

Шекспир

Библиотека великих писателей. Том V

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ш41

Ш41 Шекспир: Библиотека великих писателей. Том V / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 641 с.

ISBN 978-5-458-50922-0

Собрание сочинений Шекспира под редакцией С.А.Венгерова, с рисунками в тексте и многочисленными картинками на отдельных листах, выпущено в 1902-1904 гг. Брокгаузом и Ефроном.

ISBN 978-5-458-50922-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

главныя отступленія въ этой драмѣ, отсюда главная ея запутанность. Событія во Франціи надо было охарактеризовать всесторонне и подробно.

Такъ возникъ, какъ выражается нѣмецкая критика, „смежный сюжетъ“ трагедіи.

Въ центрѣ его стоятъ англійскій герой Тальботъ и французская дѣвушка-воинъ, Іоанна д'Аркъ. Отвага Тальбота—несокрушима. Подъ Орлеаномъ и подъ Руаномъ онъ всюду остается побѣдителемъ. И, очевидно, не доблесть французозъ могла его погубить. Если онъ потерялъ Руанъ, то только изъ-за хитрости и предательства. Они воплощены въ Іоаннѣ д'Аркъ. Уже въ хроникѣ Голиншеда она изображена колдуньей и недостойной коварной обманщицей. Такою же она появляется и въ нашей трагедіи. Односторонность при ея обрисовкѣ была естественна; особаго вниманія автора она не могла къ себѣ привлечь; этимъ еще нарушилось бы то внутреннее единство, кое-какъ да спаивающее вмѣстѣ всѣ эти сцены, переносящіеся изъ Лондона во Францію, изъ Гаскони въ Руанъ, отъ придворныхъ интригъ, на поле брани. Разъ версія Голиншеда соотвѣтствовала замыслу, ее надо было принять безъ измѣненій.

Но не своими военными хитростями и адскими чарами, не тѣмъ, что она склоняетъ герцога Бургундскаго измѣнить англичанамъ—сильна Орлеанская дѣва. Вѣдь чары ея въ концѣ концовъ становятся безсильны и ей предстоитъ получить возмездіе на кострѣ. Коварство Іоанны только творитъ и помогаетъ всеобщему распаду. Безсиліе короля передъ спорящими вокругъ его престола пѣрами—вотъ въ чемъ главная бѣда. Этимъ основной замыселъ трагедіи сплетается со „смежнымъ сюжетомъ“. Тальботъ погибаетъ вмѣстѣ съ сыномъ, потому что Ричардъ Іоркскій не можетъ согласиться съ герцогомъ Соммерсетомъ, принадлежащимъ къ младшей линіи Ланкастерскаго дома. Впрочемъ, и съ гибелью Тальбота еще далеко не все потеряно; самъ Ричардъ Іоркскій, захватившій въ плѣнъ Іоанну д'Аркъ, вѣдь также герой. Какъ претендентъ на англійскую корону, онъ не можетъ не дорожить владѣніями во Франціи и, какъ дѣдъ Елизаветы Іоркской, бабки побѣдительницы „великой Армады“, королевы Бетти, онъ долженъ былъ явиться въ ореолѣ воинской доблести. Слабость короля Генриха заставляетъ его подпасть подъ вліяніе Суффолка, влюбленнаго въ Маргариту Анжу. „Французская волчица“ становится англій-

ской королевой, и этотъ бракъ съ иноземкой и влечетъ за собой уступку прерогативъ Англій надъ французской короной.

И женитьба короля на Маргаритѣ Анжу естественно представлялась бѣдствіемъ. Изобразить его такимъ значило высказать косвенное одобреніе самой королевы Бетти, отвергшей французское и испанское сватовство.

Бракъ Генриха VI и Маргариты Анжу, заканчивающій „Первую часть“ нашей трилогии, составляетъ какъ бы конецъ перваго акта всего трагическаго замысла. Утрата суверенитета во Франціи только показатель вѣщей слабости короля и грядущаго безславнаго времени. Главная трагическая катастрофа еще впереди; подойти къ ней быстрѣе помѣшали утѣшительныя для національнаго самолюбія сцены подвиговъ Тальбота и коварства Орлеанской дѣвы. И вторая и третья части сплетаются между собою уже тѣснѣе. Дѣйствіе почти не покидаетъ Англій; содержаніе болѣе не двоится. Все дѣло въ борьбѣ Ланкастерскаго дома съ Іоркскимъ. Даже возмущеніе Кѣда, останавливающее насъ на полъ-пути во второй части, только одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы. „Французская волчица“, отъ которой происходятъ всѣ главныя бѣдствія Ланкастерской династіи, держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити событій. Это по ея винѣ король отнимаетъ регентство у Гомфри Глостера, единственной надежды Англій. Враждою противъ брата Генриха V королевы Маргариты пользуется и епископъ Венчестерскій. Герцогъ Гомфри свергнутъ и тогда начинается истинная анархія. Ея олицетвореніе этотъ Джекъ Кедъ, изображенный въ нашихъ пьесахъ врагомъ всякаго порядка. Мечты о всеобщемъ равенствѣ ведутъ лишь къ разрушенію, къ убійству, къ разложенію всего государственнаго порядка. Вотъ чего добилась своими интригами „французская волчица“, вотъ до чего довела Англійю себялюбивая политика враждующихъ между собою пѣровъ.

И тутъ среди всего этого замѣшательства впервые рѣшается и Ричардъ Іоркскій перейти отъ словъ къ дѣлу. Ему, конечно, помогъ случай—военное порученіе въ Ирландіи; иначе онъ не оказался бы такъ легко во главѣ войска, но главная причина его дѣйствій противъ короля, главная причина его успѣха во время Сентъ-Албанской битвы, конечно, въ ослабленіи принципа государственности, внесенномъ „французской волчицей“.

Если на битвѣ при Сентъ-Албанѣ и заканчивается вторая часть трагедіи, то, какъ трагедія историческая, она составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе дѣйствія. Высшимъ моментомъ общаго историческаго замысла трагедіи надо признать эту пятую сцену второго акта „Третьей части“, когда король Генрихъ VI сознается, что онъ не призванъ вовсе царствовать, и въ это время рядомъ съ нимъ мучаются въ угрызеніяхъ совѣсти и безпредѣльномъ отчаяніи жертвы допущеннаго имъ междоусобія: отецъ убившій своего сына, сынъ убившій своего отца. Вотъ, чѣмъ была эта „война алой и бѣлой розы“, вотъ до чего довелъ свою страну король, ради коварной „французской волчицы“ отказавшейся отъ прерогативъ во Франціи купленныхъ англійской кровью. Бѣдствія Англій дошли теперь до высшаго своего проявленія. Казалось бы, все должно погибнуть, и надежды не чуется ни откуда.

Сцену послѣдней битвы, проигранной Генрихомъ Шестымъ въ „Третьей части“ можно признать, такимъ образомъ катастрофой самой національной трагедіи. Но трагедія горестей англійской державы только „смежные сюжеты“, только отраженіе трагедіи борьбы за престолонаслѣдіе и за личные выгоды и счеы пѣровъ королевства.

Возмездіе должны получить всѣ виновники бѣдствій родины. Согласно тому взгляду на мірозданіе, по которому оно управляется однимъ общимъ моральнымъ закономъ, трагическій конецъ долженъ постигнуть и этого Суффолка, сосватавшаго королю „французскую волчицу“, и епископа Винчестерскаго, погубившаго вмѣстѣ съ ними добраго герцога Гомфри Глостера, и Ричарда Іоркскаго, возставшаго противъ сына побѣдителя при Азинкурѣ, и, наконецъ, самого слабого Генриха Шестого, допустившаго междоусобія. И при нѣсколько хаотическомъ, слишкомъ повѣствовательномъ характерѣ всѣхъ этихъ трехъ драматическихъ хроникъ, въ обѣихъ послѣднихъ частяхъ ея, то тамъ, то сямъ пестрѣютъ частичныя катастрофы, отвлекая вниманіе и не давая всему ходу дѣйствія пріобрѣсти вполнѣ законченную стройность. Оттого такой случайной оказывается смерть Суффолка, оттого такъ неожиданно и какъ бы ненужно врѣзывается коротенькая третья сцена III акта „Второй части“, гдѣ мучается на смертномъ одрѣ епископъ Винчестерскій. Случайно и почти ненужно и убійство короля Генриха Шестого въ концѣ „Третьей части“.

Изъ-за этого преобладанія повѣстива-

тельнаго элемента и невыдержанности трагическаго дѣйствія почти забытой оказалась и „французская волчица“ Маргарита Анжу.

Въ третьей части въ центрѣ дѣйствія стоитъ уже не она. Тутъ впервые развертывается передъ нами фигура главнаго мстителя за всѣ злодѣянія, самаго коварнаго, дерзающаго, сильнаго и страшнаго изъ потомковъ Эдуарда III, неостанавливающагося ни передъ какимъ злодѣйствомъ, Ричарда Глостера, третьяго сына Ричарда Іоркскаго.

Съ его полнымъ трагическимъ воспроизведеніемъ англійская публика ознакомилась нѣсколькими годами позже, когда вышла „Ричардъ III“ Шекспира, но и теперь, въ „Третьей части Генриха VI“, уже чувствуется его сумрачная личность и желѣзная воля. Зритель уже подозреваетъ, что этотъ бичъ Ланкастерской династіи погубитъ и свою собственную вѣтвь королевскаго дома. Если ему выпало на долю умертвить Генриха VI, то въ послѣднемъ актѣ онъ уже замышляетъ козни противъ своего брата Кларенса, стоящаго между нимъ и его старшимъ братомъ, первымъ королемъ изъ Іоркскаго династіи, Эдуардомъ IV. И своему царственному брату онъ вѣренъ лишь до поры до времени. Воспитавшійся въ этой кровопролитной войнѣ ради королевскаго престола, онъ самъ стремится сѣсть на мѣстѣ брата, и никакое преступленіе не остановитъ его; мы невольно ждемъ, что рука его обагрится кровью его племянниковъ Эдуарда и Ричарда, наслѣдниковъ Эдуарда IV.

Трагическая фигура Ричарда III уже ведетъ насъ къ окончательной развязкѣ всей этой трагедіи полувѣка англійской исторіи. Воцарившаяся въ години смуты Іоркская династія должна погибнуть въ страшныхъ угрызеніяхъ совѣсти Ричарда, когда онъ наконецъ достигнетъ престола. Преступленія привели ее къ гибели, какъ преступленія имѣли результатомъ и паденіе старшей линіи Ланкастеровъ. Только новая династія можетъ принести миръ и политическое величіе Англій.

Эта династія взойдетъ на престолъ съ Генрихомъ VII, потомкомъ младшей линіи Ланкастерскаго дома, въ лицѣ Джона Соммерсета боровавшейся съ герцогомъ Ричардомъ Іоркскимъ.

Побѣда Генриха VII, Ричмонда, надъ Ричардомъ III и восшествіе его на престолъ изображается въ Шекспировской трагедіи

„Ричардъ III“, но уже „Третья часть Генриха VI“ забѣгаетъ впередъ и предсказываетъ новую династію. Генрихъ VI пророчествуетъ маленькому Ричмонду, что ему предстоитъ возсоздать новый разцвѣтъ англійской державы, и онъ называетъ этого случайно встрѣченнаго имъ мальчика „надеждой Англій“. Дѣдъ королевы Елизаветы такимъ образомъ какъ бы становится законнымъ наслѣдникомъ и Генриха V, побѣдителя при Азинкурѣ; онъ какъ бы призванъ царствовать надъ сыномъ Генриха V преступно слабымъ, но добрымъ Генрихомъ VI. На самомъ дѣлѣ Генрихъ Ричмондъ приобретаетъ право на корону Англій тѣмъ, что женится на дочери Эдуарда IV изъ Йоркской династіи, но автору нашей трилогіи очевидно хотѣлось сблизить его потомковъ именно съ той линіей Ланкастерскаго дома, изъ которой вышелъ національный герой, сюзеренный владыка не только Англій, но и побѣжденной силой англійскаго оружія „прелестной Франціи“.

Такъ разрѣшилась историко-философская проблема о преемственности англійскаго престолонаслѣдія и тѣсно связанная съ нею эпопея національнаго самосознанія Англій. Но привести даже къ подобному далеко не совершенному трагическому единству событія исторіи Англій удалось, конечно, не безъ цѣлаго ряда натяжекъ и отступленій. Авторъ нашей трилогіи далеко не придерживается точной исторической правды. Эдмундъ Мортимеръ, томящійся согласно нашей трагедіи въ темницѣ и сообщающій Ричарду Йоркскому о его правахъ на корону, вовсе не былъ въ дѣйствительности дядей Ричарда и умеръ спокойно на свободѣ, вовсе не во враждебныхъ отношеніяхъ ко двору. Еще болѣе отклоняются отъ истины наши драматическія хроники относительно Ричарда Глостера, брата короля Эдуарда IV. Онъ родился въ 1452 году и слѣдовательно въ Сентъ-Албанской битвѣ (1455 г.) никакого участія принимать не могъ. Онъ находился въ то время на континентѣ при дворѣ своей сестры герцогини Бургундской. Въ Англію онъ прибылъ лишь девятнадцати лѣтъ въ 1571 году, когда братъ его, король Эдуардъ IV, вновь вернулся въ Англію, чтобы окончательно утвердиться на престолѣ.

Такое же вольное обращеніе съ историческими фактами позволяетъ себѣ наша трагедія и въ сценахъ возстанія Джэка Кеда. Эта ненависть народной толпы противъ всѣхъ грамотныхъ людей заимство-

вана изъ разсказа того же Голиншеда о болѣе раннемъ возстаніи Уота Тайлора.

И вспомнилась автору нашей трагедіи эта черта движенія 1381 года конечно не спроста. Тутъ, въ произвольномъ обращеніи именно съ этими историческими фактами, мы увидимъ совершенно ясно, по какому направленію стремился авторъ въ интерпретаціи событій, каковы тѣ жернова, которые перемололи ихъ въ его воображеніи.

Джэкъ Кедъ интересовалъ автора нашихъ трагедій не самъ по себѣ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова—личность эпизодическая. Обстоятельства этого народнаго возстанія даже не „смежный сюжетъ“, какъ борьба Тальбота съ Іоанной д'Аркъ въ „Первой части“. Джэкъ Кедъ—только показатель дезорганизаціи, анархіи, наставшей въ Англій. Сбыточны или нѣтъ мечты о всеобщемъ равенствѣ, которыми онъ увлекаетъ толпу, нашему драматургу было совершенно не важно. Дѣло не въ нихъ, дѣло въ отношеніи ихъ къ государственности, разрушенной виною стоящихъ во главѣ государства личностей. Разрушеніе государственности—главная вина тогдашнихъ недостойныхъ правителей Англій, и чѣмъ важнѣе для благоденствія родины принципъ государственности, чѣмъ пагубнѣе его разрушеніе для національнаго величія, тѣмъ значительнѣе и ужаснѣе преступленіе правителей. И въ этихъ цѣляхъ государство и встало въ воображеніи автора въ ореолъ культурности, въ этихъ цѣляхъ Джэкъ Кедъ и его сообщники и задуманы именно разрушителями образованности. Можетъ быть человѣку, увлеченному идеями гуманизма, культурности и образованности и казались гораздо важнѣе и выше всеобщаго блага и всеобщаго равенства, но изобразилъ онъ государственный порядокъ оплотомъ гуманитарныхъ силъ страны для цѣлей своей собственной, исходящей изъ основнаго собственнаго замысла интерпретаціи историческихъ событій. Въ центрѣ этого замысла стоятъ не народныя массы, какъ это случится гораздо позднѣе въ „Кориоланѣ“ Шекспира, въ центрѣ его личности правителей, главная задача которыхъ—поддержаніе государства и главная вина—разрушеніе этого государства.

Если нашъ драматургъ насилуетъ такимъ образомъ историческіе факты, чтобы въ центрѣ дѣйствія еще ярче вырисовались личности его героевъ, то естественно въ тѣхъ же цѣляхъ и самыхъ героевъ сдѣлать

реснѣ, выпуклѣ, естественно стремленіе преувеличить ихъ вліяніе на ходъ событій, поставить историческіе факты въ болѣе тѣсную зависимость отъ чисто личной судьбы героевъ.

Эти стремленія повліяли главнымъ образомъ на фигуру Маргариты Анжу, названной въ нашей трагедіи „французской волчицей“ и опредѣляющей собою все дѣйствіе „Второй части“. Въ существѣ дѣла эта Маргарита Анжу такая же эпизодическая личность, какъ и Джэкъ Кедъ. Интересъ также сосредоточивается не на ней самой. Она лишь вящшій показатель слабости короля Генриха, лишь причина паденія Гомфри Глостера, лишь орудіе въ рукахъ епископа Винчестерскаго. Оттого автору вовсе не важно было, чтобы она погибла смертью трагическаго возмездія, но ему нужно было непременно преувеличить политическое значеніе брака съ нею короля Генриха, ему нужно было непременно надѣлать Маргариту такими чертами, которыя оправдывали бы ея названіе „французской волчицы“. И вотъ, для этого, если на самомъ дѣлѣ Маргарита стала женою Генриха еще за два года до смерти героя Тальбота, то въ нашей трагедіи, наоборотъ, женитьба на „французской волчицѣ“ представлена основнымъ горестнымъ событіемъ, наступившимъ вслѣдъ за гибелью національнаго героя, оплота англійскаго господства во Франціи. Чтобы очернить Маргариту, придуманъ также и весь этотъ романъ съ Суффолкомъ, хотя никакого слѣда его нѣтъ въ историческихъ источникахъ, доставившихъ факты нашей трагедіи.

И фигура „французской волчицы“ намъ въ высшей степени важна.

Она даетъ намъ указанія и на то, почему въ нашихъ трагедіяхъ такъ преувеличено значеніе личности. Маргарита Анжу представляетъ собою ту характерную черту всего замысла „Генриха VI“, по которой его можно поставить въ историко-литературную перспективу. Маргарита Анжу вѣдь— это царица Тамора изъ „Тита Андроника“, это королева Изабелла изъ „Эдуарда II“ Марло. И рядомъ съ нею такой же характеръ, навѣяннаго манерой Марло, героя носить и Тальботъ. Критики, отмѣчавшіе часто указанная сходства героевъ „Генриха VI“ съ героями Марло, обыкновенно указываютъ на сцену между Тальботомъ и графиней Овернской, какъ на типично Марловскую сцену. Марловскихъ слабыхъ королей напоминаетъ и Генрихъ VI „играющій въ ритора“. Сцена,

когда Іоанна д'Аркъ напрасно прибѣгаетъ къ заклинаніямъ адскихъ силъ, также пародируетъ соотвѣтственную сцену изъ Марловскаго „Доктора Фауста“. Въ словахъ Іоанны д'Аркъ рыцарю Люси, пришедшему за трупомъ Тальбота, можно видѣть и прямой намекъ на Марловскаго „Тамерлана“. Вѣдь этотъ „турокъ, обладающій пятьюдесятью двумя царствами“, надъ которымъ подсмѣивается Іоанна, и есть Тамерланъ.

Историко-философская проблема о событіяхъ англійской исторіи отъ смерти Генриха V до восшествія на престолъ Тюдоровъ разрѣшена на почвѣ того трагическаго міропониманія, какое складывалось у передовыхъ англійскихъ драматурговъ въ концѣ 80-ыхъ и въ началѣ 90-ыхъ годовъ шестнадцатаго столѣтія.

Идея возмездія героической личности, посягнувшей на незыблемость моральнаго закона и возмездія страшнаго, роковаго, неотвратимаго, вонзающагося въ сознаніе зрителя черезъ торжественную и часто высокопарную риторику дѣйствующихъ лицъ, черезъ потрясающій ужасъ наступающей въ концѣ дѣйствія катастрофы, эта идея, лежавшая въ основѣ трагедій римскаго ритора Сенеки, произвела въ то время цѣлый переворотъ въ драматическомъ искусствѣ. Это она породила кровавую трагедію вродѣ „Испанской трагедіи“ Кида, вродѣ стараго Гамлета-мстителя—вѣроятно того же Кида, вродѣ приписаннаго Шекспиру „Тита Андроника“. Сенековское вліяніе составляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ для эволюціи драматическаго творчества чертъ и трагедій Марло. Манера Сенеки принесла съ собою и то стремленіе къ драматическому единству, которое отразилось въ елизаветинской драмѣ извѣстной стройностью замысла, борющейся съ преобладаніемъ въ ней чисто повѣствовательныхъ элементовъ.

Борьба эта до нѣкоторой степени сказывается и въ „Генрихѣ VI“. Мы видѣли, что, несмотря на хаотичность дѣйствія, въ немъ все таки сказывается попытка трагическаго объединенія событій. И чѣмъ дальше мы подвигаемся въ исторіи Генриха VI, тѣмъ болѣе растетъ это стремленіе къ объединенію, къ нѣкоторому хотя бы единству.

И когда къ тремъ частямъ „Генриха VI“ прибавится еще „Ричардъ III“ Шекспира, это стремленіе осуществится. „Ричардъ III“ уже несомнѣнно сенековская трагедія. Единство не нарушается даже „смежнымъ сюжетомъ“. Идея возмездія руководитъ всѣмъ ходомъ дѣйствія. Герой трагедіи, Ричардъ

Глостерь, надѣленъ всѣми чертами преступнаго героизма. Фигура взята уже изъ повѣствованія Мура, и ея зловѣщій, страшный трагизмъ ведетъ его черезъ всѣ глубины преступления къ неотвратимому и заслуженному наказанію. Историческая прелеблемма уже почти забыта; трагическое міросозерцаніе не только вліяетъ на ея разрѣшеніе,— оно уже совершенно вытѣснило ее и какъ бы заслонило ее собою. Этотъ Ричардъ Глостерь, замѣнившій въ „Третьей части Генриха VI“ „французскую волчицу“, какъ будто высвободился изъ тяготѣвшихъ надъ нимъ оковъ историческаго повѣствованія, чтобы встать теперь передъ нами во всемъ величіи своей держащей, трагической натуре.

Фигура Ричарда Глостера, третьяго сына Ричарда Йоркскаго, которая вырисовывается въ послѣдней части „Генриха VI“ и во всю ширь и глубь использована въ „Ричардѣ III“ Шекспира подводитъ насъ къ вопросу, который еще вовсе не былъ до сихъ поръ затронутъ и на которомъ однако всего болѣе останавливалось вниманіе шекспирологовъ, каждый разъ какъ заходила рѣчь о нашей трилогіи. Именно фигура Ричарда Глостера поможетъ намъ подойти къ вопросу о томъ, кто же авторъ драматическихъ хроникъ о Генрихѣ VI.

Если „Генрихъ VI“ вошелъ въ первое изданіе произведеній Шекспира и болѣе раннее и нѣсколько иное, менѣе обработанное и слабое изданіе послѣднихъ двухъ частей этой трилогіи также называется ихъ авторомъ великаго драматурга, то есть и еще косвенное доказательство принадлежности ему этихъ трагедій. Въ 1592 г. умирающій Гринъ въ своемъ прощальномъ злобномъ памфлетѣ: „Грошъ мудрости, купленный за миллионъ раскаянія“ предостерегаетъ своихъ собратій драматурговъ противъ какихъ то новичковъ. „О, не довѣряйте имъ, восклицаетъ Гринъ, потому что между ними есть одинъ взлетѣвшій высоко воронъ, разукрашенный нашими перьями, *съ сердцемъ тигра, скрытымъ подъ шкурой актера*; онъ думаетъ, что способенъ сплести такой же торжественный бѣлый стихъ, какъ любой изъ насъ, и какъ истый Johannes Factotum, считаетъ себя единственнымъ потрясателемъ сцены въ нашей странѣ“. Этотъ „Потрясатель сцены“, конечно, некто иной, какъ Шекспиръ, имя котораго означаетъ по англійски: потрясатель копьемъ, и выраженіе „сердце тигра, скрытое подъ шкурой актера“ пародируетъ слова Ричарда

Йоркскаго королевѣ Маргаритѣ въ „Третьей части Генриха VI“. Такимъ образомъ Гринъ несомнѣнно считалъ эту пьесу шекспировской и изъ его ѣдкой саркастической замѣтки можно судить о томъ, что эта трагедія именно и выдвинула молодого Шекспира, какъ драматурга.

Однако несовершенство въ художественномъ отношеніи нашихъ трагедій, ихъ очень часто плохіе стихи заставили цѣлый рядъ критиковъ сильно заподозрить принадлежность ихъ автору „Отелло“ и „Гамлета“.

Въ самыхъ словахъ Грина уже заключается какъ будто намекъ на то, что не одинъ Шекспиръ—создатель этой трилогіи. Дѣйствительно, зачѣмъ называется Гринъ Шекспира вороной, „украшенной нашими перьями“? Онъ какъ будто хочетъ приписать и себѣ самому и нѣкоторымъ изъ своихъ собратьевъ авторство прогретѣвшей пьесы. Мы видѣли также, что цѣлый рядъ ея сценъ представляетъ собою сколокъ съ трагедій Марло. Еще болѣе поводъ сомнѣніямъ въ этомъ смыслѣ подають раннія изданія „Второй и Третьей частей“ нашей трилогіи, вышедшія анонимно. Ихъ текстъ также значительно рознится отъ текста, извѣстнаго намъ по собранію сочиненій Шекспира. Невольно думается, что Шекспиръ только передѣлалъ болѣе раннія пьесы, только приложилъ къ нимъ свою геніальную руку. Въ самомъ созданіи ихъ участвовали и другіе драматурги, и особенно въ болѣе слабой первой части роль этихъ сотрудниковъ была, по видимому, очень значительна.

Сомнѣнія эти разрѣшались различно.

Малонъ, Колльеръ, Дайсъ, Кортенэ и Крейсигъ считали авторами „Первой части борьбы“ и „Истинной трагедіи“—Грина или Марло, а Шекспиру приписывали только ихъ дальнѣйшую переработку въ пьесы, извѣстныя намъ по изданію произведеній Шекспира. Такого же мнѣнія держатся и представители новѣйшей англійской школы шекспирологовъ. Фэрниваль, слѣдуя за г-жею Ли, считаетъ, что даже въ переработкѣ „Первой части борьбы“ и „Истинной трагедіи“ вмѣстѣ съ Шекспиромъ работали Гринъ и Марло. Такъ же думаетъ и новѣйшій біографъ Шекспира Сидней Ли, склоняющійся только скорѣе въ сторону Грина и Пиля, какъ сотрудниковъ великаго драматурга. Подобные взгляды исходятъ главнымъ образомъ изъ наблюдения надъ стилемъ, при чемъ каждый разъ какъ то или иное выраженіе напоминаетъ манеру Марло или Грина, соот-

вѣтственная сцена относится на ихъ счетъ. Всѣ перечисленные шекспирологи какъ будто не допускаютъ возможности того, чтобы молодой Шекспиръ подражалъ болѣе старымъ драматургамъ, находился подъ ихъ вліяніемъ, и Гринъ назвалъ его „вороной, украшенной нашими перьями“ именно потому, что узналъ въ немъ ученика и подражателя.

Рядомъ съ указаннымъ взглядомъ на происхожденіе нашей трилогіи очень давно была предложена другая гипотеза. Еще Шлегель, Ульрици, Найтъ и Деліусъ приписывали всю нашу трилогію Шекспиру и вышедшія анонимно: „Первую часть“ и „Истинную трагедію“, а равно и „Двѣ части“ считали „воровскими изданіями“, наскоро записанными во время представленія и потому дающія намъ не болѣе ранній текстъ этихъ трагедій, а только ихъ и з в р а щ е н н ы й текстъ. И такого взгляда придерживаются многіе современные шекспирологи. Таково мнѣніе Женз, Охельгаузера и Брандля. Вѣдь и Фэрниваль, считающій, что въ созданіи „Первой части“ и „Истинной трагедіи“ Шекспиръ совершенно не участвовалъ, признаетъ однако, что сцены съ Джекомъ Кедомъ возникли подъ его вліяніемъ, а Сидней Ли приписываетъ ему и четвертую сцену II акта „Генриха VI, часть первая“, гдѣ изображено зарожденіе спора „бѣлой и алой розы“.

Шекспиръ часто передѣлывалъ старыя пьесы. Если его задушевный, столь дорогой ему „Гамлетъ“ возникъ изъ передѣлки „Гамлета“ Кида, то, конечно, легко предположить, что въ ранней молодости онъ воспользовался уже существовавшими пьесами. И если и „Гамлетъ“ нѣсколько разъ передѣлывался Шекспиромъ, то развѣ не надо счесть весьма правдоподобнымъ, что и въ молодости онъ отдѣлывалъ свои пьесы и послѣ того, какъ онъ были изданы. Сидней Ли справедливо полагаетъ, что принялся за эту работу Шекспиръ для новой постановки на сцену своей трилогіи.

А вѣдь трилогія эта имѣла бромкій успѣхъ. Это мы хорошо знаемъ по отзывамъ Наша и Грина. И изъ словъ Грина, мнѣ кажется, нельзя не заключить, что именно это раннее произведеніе Шекспира и выдвинуло его среди прочихъ драматурговъ. Въ сравненіи съ послѣдующими его произведеніями, „Генрихъ VI“ кажется, разумѣется, слабымъ, хаотичнымъ, слишкомъ увлекающимся риторикой, грубымъ

и подражательнымъ. Онъ неизмѣримо ниже и „Эдуарда II“ Марло. Но въ немъ уже содержится зерно истинно-шекспировскаго драматическаго замысла. Своею „Третьей частью“ „Генрихъ VI“ уже подводитъ насъ къ одной изъ знаменитѣйшихъ историческихъ трагедій великаго сердцевида-драматурга.

Я разумѣю фигуру Ричарда Глостера, в послѣдствіи трагическаго злодѣя—узурпатора Ричарда III.

Охельгаузеръ въ своемъ этюдѣ о Ричардѣ III воочію указалъ, что образъ этого героя-держателя, такъ сильно поразившаго своеобразностью своего трагизма еще Шиллера, начинаетъ вырисовываться въ „Генрихъ VI“. И это не прибавка, не надстройка надъ вышедшими раньше „Второй частью“ и „Истинной трагедіей“ или „Обѣими частями“—Ричардъ Глостеръ принадлежитъ самому замыслу этихъ трагедій. Ради созданія его авторъ нашей трилогіи насилуетъ факты исторіи, отступаетъ отъ Голиншеда и Голля, которымъ онъ часто слѣпо вѣритъ, и тутъ вдохновляется описаніемъ этого лица у Мура. Тутъ чувствуются личныя художественныя исканія.

И Ричардъ Глостеръ былъ необходимъ автору нашей трилогіи по самому общему историко-философскому запросу, лежащему въ основѣ всей трилогіи. Ричардъ Глостеръ, этотъ бичъ Ланкастерской династіи, это дѣтище междоусобій и борьбы за престолонаслѣдіе, оказывается и змѣненнымъ, выросшимъ на лонѣ Йоркской династіи, погубившимъ и ее самое и своими титаническими преступленіями узаконившей новый государственный переворотъ—появленіе новой королевской династіи—восшествіе на престолъ Генриха VII, Ричмонда, дѣла королевы Елизаветы. Ричардъ III—это тотъ историческій поршень, которымъ приведены въ движеніе событія, опредѣлившія появленіе на престолѣ Англіи „побѣдительницы великой Армады“, этой „морской дѣвы, царствующей на Западѣ“, какъ назвалъ Елизавету Шекспиръ въ своемъ „Снѣ въ лѣтнюю ночь“.

Были или нѣтъ у Шекспира сотрудники при созданіи „Генриха VI“, одѣлся ли онъ павлиньими перьями Марло и Грина, не только подражая ихъ манерѣ и на нихъ учась драматическому творчеству, несомнѣнно одно: этой огромной, неуклюжей, но широкозадуманной трилогіей онъ впервые „взлетѣлъ высоко“ и взлетѣлъ не какъ воронъ, а какъ орелъ. Евгений Аничковъ.

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ VI.
 Герцогъ Глостеръ, дядя короля, протекторъ.
 Герцогъ Бедфордъ, дядя короля, французскій регентъ.
 Томасъ Бофортъ, герцогъ Экзестеръ, внучатый дядя короля.
 Генрихъ Бофортъ, внучатый дядя короля, епископъ Винчестеръ, впоследствии кардиналъ.
 Джонъ Бофортъ, графъ Сомерсетъ, впоследствии герцогъ.
 Ричардъ Плантагенетъ, сынъ Ричарда, покойнаго графа Кембриджа, впоследствии герцогъ Йоркъ.
 Графъ Уорикъ (Варвикъ).
 Графъ Сольсбери.
 Графъ Суффолькъ (Салисбюри).
 Лордъ Тальботъ, впоследствии графъ Шрусбери.
 Джонъ Тальботъ, сынъ его.
 Эдмундъ Мортимеръ, графъ Марчъ.
 Сэръ Джонъ Фастольфъ.
 Сэръ Вильямъ Льюси.
 Сэръ Вильямъ Гленсдэль.
 Сэръ Томасъ Гаргрэвъ.
 Мэръ Лондона.
 Вудвиль, командантъ Тоуэра.

Вернонь, изъ партіи Бѣлой Розы или Горка.
 Боссетъ, изъ партіи Алой Розы или Ланкастера.
 Стряпчій.
 Стражи Мортимера.
 Карль, дофинъ, впоследствии король Франціи.
 Рене, герцогъ Анжуйскій, носящій титулъ короля Неаполитанскаго.
 Герцогъ Бургундскій.
 Герцогъ Алансонскій.
 Батардъ Орлеанскій.
 Парижскій губернаторъ.
 Оружейный мастеръ въ городѣ Орлеанѣ.
 Сынъ его.
 Главнокомандующій французскими войсками въ Бордо.
 Французскій сержантъ.
 Привратникъ.
 Старикъ пастухъ, отецъ Дѣвственницы.
 Маргарита, дочь Рене, впоследствии—супруга короля Генриха.
 Графиня Овернская.
 Иоанна Дѣвственница, обыкновенно называемая Иоанною д'Аркъ.
 Лорды, стражи Тоуэра, герольды, офицеры, солдаты, гонцы, англійская и французская свиты.
 Злые духи, являющіеся Иоаннѣ.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Англіи, а частью во Франціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Вестминстерское аббатство.

Похоронный маршъ. Тѣло короля Генриха V выносятся на парадномъ траурномъ ложѣ. Его охраняютъ герцоги Бедфордъ, Глостеръ, Экзестеръ, графъ Уорикъ, епископъ Винчестерскій, герольды и т. д.

Бедфордъ.

Пусть облекутся въ трауръ небеса
 И ночью день замѣнится! Кометы,
 Что времена и царства измѣняютъ—
 Хрустальными косами потрясая,
 Враждебныя свѣтила покажите,
 Рѣшившія, чтобъ умеръ Генрихъ пятый.
 Онъ слишкомъ былъ для долгой жизни
 славенъ:

Мы короля такого не теряли.

Глостеръ.

Мы до него не знали короля.

Повелѣвать онъ былъ вполне достоинъ,
 Поднятый мечъ лучами ослѣплялъ,
 Раскинутыя руки были шире
 Дракона крыль, глаза, пылая гнѣвомъ,
 Враговъ слѣпили, въ бѣгство обращая,
 Сильнѣй, чѣмъ солнце, жегшее ихъ ликъ.
 Что мнѣ сказать? Превыше словъ—дѣла,
 Былъ каждый взмахъ руки его—побѣдой.

Экзестеръ.

Мы въ траурѣ, зачѣмъ же не въ крови
 Скорбимъ о немъ? Нашъ Генрихъ не вос-
 креснетъ.

Мы деревянный гробъ сопровождаемъ,
 Торжественнымъ присутствіемъ своимъ
 Безчестную побѣду смерти славимъ:
 Какъ плѣнники идутъ за колесницей.
 Кто намъ клясть? Враждебныя ль свѣтила,
 Чей разговоръ низвергнулъ нашу славу,
 Иль слѣдуетъ французамъ хитрыхъ счастье
 За колдуновъ—изъ страха передъ нимъ
 Его убившихъ чарами своими?

Винчестеръ.

Онъ—царь, Царемъ царей благословенный,
И судный день не такъ французамъ страшенъ,
Какъ страшенъ имъ былъ самый видъ его.
Сражался онъ за Бога силъ, и церкви
Молитвами преуспѣвалъ въ бою.

Глостеръ.

Причемъ тутъ церковь? Если бы ея
Служители такъ много не молились—
Такъ скоро бы не порвалась нить жизни.
Вамъ любъ король изнѣженный: его,
Какъ мальчика, вы застращать могли бы.

Винчестеръ.

Чтобъ ни было намъ любо, ты—протекторъ,
Ты королемъ и царствомъ хочешь править,
Межъ тѣмъ жены боишься ты надменной
Сильнѣй, чѣмъ Бога и духовныхъ лицъ.

Глостеръ.

Не говори о церкви, плоть любя.
Ты изрѣдка затѣмъ лишь въ храмъ заходишь,
Чтобъ вымолить враговъ твоихъ погибель.

Бедфордъ.

Оставьте споръ, и духъ смирите свой,
Всѣ—къ алтарю, герольды—вслѣдъ.—Воз-
ложимъ

Не золото, оружье на него.
Что пользы въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ
умеръ Генрихъ?

Потомство, жди печальныхъ дней, когда
Грудныхъ дѣтей питать слезами будутъ
И въ море слезъ нашъ островъ обратится,
Гдѣ жены лишь останутся однѣ—
Оплакивать умершихъ. Генрихъ пятый,
Взываю къ духу твоему: страну
Оберегай отъ войнъ междоусобныхъ,
Съ враждебными свѣтилами борись,
Звѣзда души твоей зажжется ярче,
Чѣмъ Цезаря созвѣздье съ Вероникой.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Достойнѣйшіе лорды, всѣмъ привѣты!
Изъ Франціи привезъ я вѣсть дурную—
О гибели, убійствахъ, пораженьяхъ.
Шампань, Гвиена, Реймсъ и Орлеанъ,
Парижъ, Руанъ и Пуатье—погибли.

Бедфордъ.

Потише будь предъ прахомъ короля!
Иль при такой утратѣ гробъ свинцовый
Взломаетъ онъ и снова оживеть.

Глостеръ.

Парижъ потерянь и Руанъ сдался?

О, если бы возсталъ изъ мертвыхъ Генрихъ—
Узнавъ о томъ, онъ испустилъ бы духъ.

Экзетеръ.

Измѣна чья была тому виною?

Гонецъ.

Измѣны нѣтъ: нужда въ деньгахъ и людяхъ.
Среди солдатъ всѣ шепчутся о томъ,
Что держитесь вы здѣсь различныхъ партій,
И если намъ сраженье нужно дать—
Вы спорите: кого вождемъ назначить?
Одинъ, скупясь, тянуть войну желаетъ,
Другой—летѣть, но у него нѣтъ крыльевъ,
А третій полагаетъ—безъ затратъ
Достигнуть мира лъстивыми словами.
О, пробудись, зная Англию! Пусть лѣность
Не омрачитъ недавней вашей славы!
Въ гербѣ своемъ страна лишилась лилій
И половину поля потеряла.

Экзетеръ.

Когда-бъ въ слезахъ здѣсь недостатокъ былъ—
То эта вѣсть исторгла-бъ ихъ потоки!

Бедфордъ.

Мнѣ—эта вѣсть! Регентъ французскій—я.
Эй, латы мнѣ! За Францію побьюсь я.
Позорная одежды скорби—прочь!
Французамъ дамъ я раны вмѣсто глазъ,
Что-бъ новую бѣду оплакать кровью.

Входитъ другой гонецъ.

2-й гонецъ.

Прочтите, лорды, скорбная посланья.
Вся Франція на англичанъ возстала,
За исключеньемъ мелкихъ городовъ,
И Карлъ дофинъ былъ коронованъ въ Реймсѣ.
Онъ сблизился съ Батардомъ Орлеанскимъ,
Рене, Анжуйскій герцогъ—за него,
Къ нему спѣшить и герцогъ Алансонскій.

Экзетеръ.

Дофинъ—король, и всѣ спѣшать къ нему?
Куда бѣжать отъ этого позора?

Глостеръ.

Мы побѣжимъ—схватить врага за горло,
Коль ты замедлишь, Бедфордъ, я иду.

Бедфордъ.

Зачѣмъ во мнѣ ты усомнился, Глостеръ?
Въ умѣ своемъ уже собралъ я войско,
Которое всю Францію покроетъ.

Входитъ 3-й гонецъ.

3-й гонецъ.

О, лорды, въ добавленье къ тѣмъ слезамъ,

Которыя на гробъ монарха льются—
Я сообщу о злополучной битвѣ
Межъ Тальботомъ достойнымъ и врагами.

Винчестеръ.

Но побѣдилъ въ ней Тальботъ, безъ сомнѣнья?

3-й гонецъ.

Нѣтъ, побѣжденъ въ сраженіи лордъ Тальботъ.

Какъ было все—я расскажу подробно.
Такъ августа десятаго нашъ лордъ
Осаду съ Орлеана снялъ. Имѣя
Шесть тысячъ войска, сталъ онъ отступать,
Но двадцати трехъ тысячнымъ отрядомъ
Французовъ былъ совсѣхъ сторонъ оцѣпленъ.
Онъ не успѣлъ ряды построить; вмѣсто
Копейщиковъ—прикрытыя для стрѣлковъ,
Онъ приказалъ взять кольца изъ заборовъ,
Которые мы вбили, какъ пришлось,
Чтобъ конницѣ врага не дать прорваться.
Бой продолжался больше трехъ часовъ,
И доблестный Тальботъ въ теченье ихъ
Свершилъ мечомъ такія чудеса,
Какихъ нельзя вообразить: онъ сотни
Отправилъ въ адъ, и устоять предъ нимъ
Никто не могъ—онъ былъ вездѣ и всюду.
Враги кричали:—это дьяволъ въ латахъ!—
И войско все дивилось ему.
А воины, его геройство видя,
Кричатъ:—Тальботъ! Тальботъ!—и съновой
силой

Кидаются опять въ средину сѣчи.
Побѣда имъ досталась бы безспорно,
Когда-бъ сэръ Джонъ Фастольфъ неоробѣлъ:
Онъ, будучи въ тылу оставленъ, съ тѣмъ,
Чтобъ выступить на подкрѣпленье нашимъ,
Бѣжалъ, какъ трусъ, до перваго удара.
И началось смятеніе, рѣзня,
Со всѣхъ сторонъ враги ихъ окружили.
Валлонецъ низкій, угождая Карлу,
Нанесъ копьемъ ударъ Тальботу въ спину,
Которому всей Франціи войска
Взглянуть въ лицо ни разу не дерзнули.

Бедфордъ.

Тальботъ убить? Такъ я убью себя
За то, что здѣсь я въ роскоши живу,
Межъ тѣмъ какъ онъ, нуждаясь въ под-
крѣпленъ,
Вождь доблестный—врагамъ трусливымъ
преданъ.

3-й гонецъ.

О, нѣтъ, онъ живъ, но плѣнникомъ онъ сталъ.
Съ нимъ—лорды Скэльсъ и Генгерфордъ.
Убито
Иль также въ плѣнъ попало большинство.

ГРОБЪ ГЕНРИХА V ВЪ ВЕСТМИН-
СТЕРСКОМЪ СОВОРѢ.

Рисункъ Сарджента (Sargent).

Бедфордъ.

Я за него—не кто иной—дамъ выкупъ.
Внизъ головой дофина сброшу съ трона
И выкуплю, цѣной короны, друга.
Ихъ четверыхъ отдамъ за одного.
Простите, лорды, дѣйствовать пора.
Во Франціи потѣшные огни
Зажгу я въ честь Георгія святого.
Съ собой возьму я въ десять тысячъ рать,
Предъ ней должна Европа задрожать.

3-й гонецъ.

Спѣшите же, въ осадѣ—Орлеанъ,
Бойцы упали духомъ, ослабѣли,
Лордъ Сольсбери о подкрѣпленъ просить,
Мятежъ въ войскахъ съ трудомъ онъ по-
давляеть,
Ихъ горсть должна отъ сотенъ многихъ от-
биваться.

Экзетеръ.

Припомните, милорды, поклялись
Вы Генриху дофина уничтожить,
Иль нашей власти подчинить его.

Бедфордъ.

Я помню все, и потому—простите:
Готовиться къ походу долженъ я.
(Уходитъ).

Глостеръ.

Пойду я въ Туэръ, чтобы осмотрѣть
Снаряды и орудія. Затѣмъ
Я Генриха провозглашу монархомъ.
(Уходитъ).

Экзетеръ.

Я отправляюсь въ Эльтэмъ. Я назначенъ
Наставникомъ при юномъ королѣ,
Тамъ обсужу какъ уберечь его.
(Уходитъ).

Винчестеръ.

Для всѣхъ нашлось занятіе и мѣсто,
И на мою лишь долю—ничего.
Но не у дѣлъ недолго я останусь,
Намѣренъ я похитить короля,
И, власть принявъ, я стану у руля.
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Франція. Передъ Орлеаномъ.

Трубы. Входитъ Карль съ войскомъ, Алансонъ, Рене и другіе.

Карль.

Ни въ небесахъ, до нынѣшняго дня,
Ни на землѣ—путь Марса неизвѣстенъ.
Онъ только что сіялъ врагамъ, когда же
Мы побѣдили—улыбнулся намъ.
Въ рукахъ у насъ—важнѣйшія твердыни,
Спокойно мы стоимъ предъ Орлеаномъ,
И—блѣдные отъ голода, какъ тѣни—
Враги разъ въ мѣсяць беспокоятъ насъ.

Алансонъ.

Похлебку имъ и мясо съ жиромъ нужно,
Ихъ надобно откармливать, какъ муловъ,
Мѣшокъ съ овсомъ на морду имъ надѣвъ.
Не то они—подобны мокрымъ крысамъ.

Рене.

Осаду снимемъ—что намъ дѣлать здѣсь?
Въ плѣну Тальботъ, котораго страшимся,
Лишь Сольсбери безумный остается,
Но можетъ желчь онъ тратить понапрасну:
Нѣтъ у него ни денегъ, ни солдатъ.

Карль.

Тревогу бейте, бросимся на нихъ,

Впередъ—за честь униженныхъ французовъ!
И смерть мою тому я отпускаю,
Кто-бъ видѣлъ, что бѣгу иль отступаю.
(Уходятъ).

(Тревога, нападеніе, затѣмъ—отступленіе).
*Возвращаются Карль, Алансонъ, Рене
и др.*

Карль.

Гдѣ видано подобное? Какіе
У насъ бойцы? Мерзавцы, трусы, псы!
Не будь покинуть—я бы не бѣжалъ.

Рене.

Лордъ Сольсбери—отчаянный рубака,
Ему какъ будто надоѣла жизнь,
Всѣ лорды ихъ, подобно львамъ голоднымъ,
Насъ разорвать готовы, какъ добычу.

Алансонъ.

Землякъ нашъ повѣствуетъ—Фруассаръ,
Что въ Англии при Эдуардѣ Третьемъ
Рождались лишь Роланды съ Оливье.
Теперь тому явилось подтвержденье,
Шлетъ въ бой она Самсона съ Голиаѳомъ.
Одинъ противъ десятка! Негодяи
Поджарые! Кто-бъ могъ предполагать
Въ нихъ мужество такое и отвагу?

Карль.

Оставимъ Орлеанъ! Изголодавшись,
Безмозглые рабы смѣлѣе стануть.
Я знаю ихъ: скорѣй чѣмъ снять осаду—
Перегрызутъ они зубами стѣны.

Рене.

Сдается мнѣ, что руки ихъ для боя
Заводятся, какъ мы часы заводимъ:
Иначе имъ не выдержать бы столько.
По мнѣ, оставь ихъ!

Алансонъ.

Да будетъ такъ.

Входитъ Батардъ Орлеанскій.

Орлеанскій.

Гдѣ принцъ дофинъ? Есть вѣсти для него.

Карль.

Батарда Орлеанскаго мы трижды
Привѣтствуемъ.

Орлеанскій.

Вы въ горѣ? Пали духомъ?
Все—по винѣ послѣдней неудачи?
Но не печальтесь, помощь не замедлитъ.
Я привожу святую дѣву: ей